

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Поют поля. Весёлым взглядом
Свой первый день встречает лето.
Ещё никем он не разгадан.
Ещё на всех хватает света.

Ещё не выгорели краски,
Ещё не помутнели воды,
Ещё не омрачила сказки
Шальная пляска непогоды.

Ивняк резные свесил плети.
Янтарный шмель качает клевер.
И только облака да ветер
Торопятся домой, на север.

ЛИВЕНЬ

Он распахивал окна,
Ветром рвал занавески,
Он бросался на стёкла.
Колотил по железке,

Он выделявал сальто,
Выворачивал крыши,
И неслись по асфальту
Мокрым комом афиши,

И блестящие ветки
Тяжелея, клонились,
Красным градом ранетки
Через лужи катились...

Прошумел и растаял.
И опять встрепенулись
Воробьиные стаи
Над потоками улиц.

НА РЕЧКЕ

Летний день ленив и жарок;
и живой пронзает луч
череду прозрачных арок
в речке.

Воздух сух, тягуч.

ОДУВАНЧИКИ

Города мегаскелет
Распростёрся за кубом куб,
Но этих цветов свет
Не признаёт клумб.

Этих цветов аромат
Замешен на горьком желтке,
На мареве автострад
И золотом песке.

Вдоль тротуарных лент
Тонут в тёплой пыли
Осколки дерзких комет,
Летние звёзды земли.

Я слушаю – ты говоришь,
И кажется – времени много
У нас. Осмелевший стриж
Так низко мелькнул над дорогой,
Над глиной, размытой дождём,
Ногами трава примята.
Мы вместе домой придём.
Где сумерки пахнут мятой...
Кто словари любви
Сжёт и развеял пепел,
Тот и себе не верил,
Когда о любви говорил.

ВКУС МОЛОКА

На доске деревянной – краюха хлеба
пахнет прогретым на солнце зерном,
вкус молока с земляникой...

Мне бы
вернуться в тот дом, –

вернуться в то ощущение света,
в ту его часть, в тот его век,
в котором радужная комета
летит через космос сомкнутых век;
раскинув руки, тонуть в колючей
солومه, в жаре, в цветочной пыльце,

прислушиваться к воркованью излучин
с дурацкой улыбкою на лице,
потом, не жалея чумазных пяток,
шагнуть в горячую пыль босиком,
пройти вдоль колхозных картофельных грядок
к тенистой запруде:

жёлтым песком,
камешками-голышами, ракушками
выстлано дно,

весь осокой зарос
и одуванчиками-веснушками
берег усыпан –

до самых берёз,
до самого края просторного неба,
до плит, из которых растут города,
до свободной строки,
из которой мне бы
туда возвращаться!
Пусть – иногда.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Разгорелись костры осенние,
Под осинами воздух светится...
На верёвочке шарик вертится,
Нам дарованный во спасение.

Рассыпается, брякая гранями,
Драгоценное наше прошлое,
Всё, что было у нас хорошего
Пропадёт в листопадном пламени.

Распрощаемся да утешимся.
И покуда снуют пожарники,
Мы летим в синеву на шарике
Да сильней за верёвочку держимся.

ЗАВТРА

Ещё безлик,
подвижен и прозрачен,
как сквозняки, -
день завтрашний
пунктиром обозначен
в течении реки,
незрелый,
но уставший от объятий
колосьев
злак –
ещё не явлен миру,
непонятен,

как тайный знак.
Он сумерки
наполнил голосами
своих химер,
поставил
под вокзальными часами
тень-шагомер.
Но ровно в полночь
упадёт на землю
его звезда
и заскулит бродячим псом
под дверью:
не опоздай!

ВЕТЛА

В белом небе синие ветра.
В белом поле чёрная дорога.
На пригорке старая ветла
Показалась странницей убогой.
Оголились руки до локтей,
Растрепались волосы седые.
Уходила будто от людей,
Позабывших истины простые.

В белом поле мёртвая трава
К старице протягивает тени.
Облетят ненужные слова
И погаснут в сумраке метельном.

Белый камешек с Края Земли
Согласился стать талисманом.
Бьётся сердце его океаном,
А по венам бегут корабли.
Неприметный, у всех на виду,
Он таким переполнен светом,
Что легко морскую звезду
Превращает в звезду-планету.
Он такие дарует сны
И такие напевы помнит,
Что весенним вихрем наполнит
Вдох и выдох каждой струны.
На разломах небесных плит
Он любую беду переспорит.
Ждёт тебя на Краю Земли
Белый камешек с берега моря.

* * *

Листает осень главы тополей,
Бросает в топку рукописи клёнов;
Эхотворенья рощиц просветлённых
К закату мелодичней и смелей:
То треск костра и спаниелей лай,
То птичий крик или хлопок ружья...

...Горячая, густая киноварь
Разбита о fortissimo дождя;
Рассыпанными чётками рябин
Покатятся по инею мгновенья,
И в серебро впечатанный рубин
Научит постигать неповторенья.

С ГОРЫ НА ЛЫЖАХ

Как радостно с горы катиться,
Разбрызгивать осколки льдин,
Как сладко сердцу колотиться
И замирать на миг в груди!

Слились в потоке декораций,
Мелькают мимо, мимо, вверх
Пеньки, дубки, кусты акаций
И падающий с ёлок снег.

Морозцем обжигает щёки.
Весь из невидимых пружин,
Скользишь непостижимо лёгкий
Беспечным счастьем одержим...

Склон скоро повернёт в распадок
По снежным далям колесить,
И бесконечно жаль, что надо
Когда-нибудь затормозить.

ЗИМНИЙ КОСТЁР

Когда на дровах заискрится
Живая, текучая медь –
Прищуриться и сквозь ресницы
На острое пламя смотреть,
На злые, шипящие стрелки
В оправе вечернего льда:
На кобальтовой тарелке
Танцует морская звезда.

Мелькающий, жадный, быстрый
Рассержен осиный рой –
Взметнутся слепящие искры
В туманность за «чёрной дырой»,
В седые, горбатые льдины,
Во тьму, над которой дымы
Неслышно и неотвратимо
Медведем встают на дыбы.

* * *

На берегу рассвета
ветрено. Облачных башен
флюгеры медленно тают
в синих оазисах крыш,
порхает в прядях древесных,
шуршит журавлик бумажный,
а трепет трав лукоморных
то серебрист, то рыж.

На берегу заката
пустынно, но не тоскливо.
Можно сложить из листьев
костёр, из веток шалаш,
из тишины – диадему,
на белом песке залива
пламенем, словно кистью,
нарисовать мираж.

АМНЕЗИЯ

Профессор рад, что дочитал букварь.
рассеянный склероз – диагноз века.
Раскачивает в забытьи февраль
фонарь на улице, над вывеской «Аптека».
Скрипящий маятник, светящийся колпак, -
кивает, но едва ли понимает,
что освещать ему, когда, зачем и как.
Идёт по улице в китайской куртке Гамлет.
Он потерял часы – который век? –
сбивается в начале монолога:
быть или... пусть, не быть и кануть в снег
замёрзшим у аптечного порога...
Но вспомнит всё и будет долго жить.
Ночь кончится, и он проснётся дома.
Его спасёт случайно Дездемона,
которую забыли задушить.

КАМЕНЬ

Я – камень. Я - валун. Я наг и беззащитен.

Меня секут ветра, и давит в землю зной.
Где встретите меня – ответов не ищите,
Но три дороги вам откроются
за мной.

Я - точка бытия. Я - окончанье смысла.
Не помнящий времён, рождённый на Земле,
Я небеса молю, навеки веки стиснув,
За каждого из вас, пришедшего ко мне.

Кому – приют, кому –
Подставка для бутылки,
Сушилище походного мешка.
Я - камень! Я – валун,
Крепление на стыке,
Лишь пауза в пути.
Опора для прыжка.

* * *

Простота не хуже воровства.
Красота не лучше благородства.
Чистота тетрадного листа
И листа кленового сиротство
Совершенней Книги Перемен,
Завершённой круга постоянства.
На берегах небесных Ойкумен
Спят в песчинках эры и пространства.
Выплеснутся, только дайте срок,
Первый крик и скорбная молитва,
Ложь глупца и праведная битва
И живой в лампаде мотылёк.

ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

Что было?
Полдень. Белый май. Гроза
дыру озоновую
в клочья
рвала.
И песенка сорочья
ливня.
Ветер – в паруса...

Что будет?
Полночь. Ледяной разряд

Становится зримым, молочно клубится дыханье.
Старик закурил и глядит из-под белых ресниц.
И пёс рыжеухий, зевнув, с упоеньем облаял
Величье холодное высокомерных столиц.

САХАЛИН

Здесь
и у берега
океан суров:
зимою торосами,
да метелями стелется.
По-щенячьи скулит
из-за облаков
несмышленная,
хоть и Большая Медведица.
Над травой придорожной
то грозы, то пыль,
на камнях придорожных
то иней, то росы...
Убаюкал небо
снежный ковыль,
облака свивая
в летящие гнёзда.
А когда уходит
последний друг
в самую далёкую
из республик,
так легко здесь верится:
вечность – круг,
и, возможно даже,
похожа на бублик,
на колечко, брошенное в ручей,
на тяжёлое колесо обоза,
на поющую сферу
из тысяч лучей,
где встречаются души
и рождаются звёзды.

Лето разбито в хлам, в прах:
под сапогами и на зубах –
хрустит песок.
Стучит висок.

Листья простёрла к небу крапива,
а там – огонь.
Трепетна и терпелива
ладонь, просящая
дождя,
пусть морозящего,

капельного пусть –
на удачу, на лёгкий путь –
вослед уходящему
в пекло, в зной,
вступающему в ад земной,
вдыхающему кровавый смрад,
вне времён,
вне наград,
удаляющемуся во свет –
закатный,
откуда многим дороги нет
обратной.

ЗАВТРА

Ещё безлик,
подвижен и прозрачен,
как сквозняки, -
день завтрашний
пунктиром обозначен
в течении реки,
незрелый,
но уставший от объятий
колосьев
злак –
ещё не явлен миру,
непонятен,
как тайный знак.
Он сумерки
наполнил голосами
своих химер,
поставил
под вокзальными часами
тень-шагомер.
Но ровно в полночь
упадёт на землю
его звезда
и заскулит бродячим псом
под дверью:
не опоздай!

СТИХИ О ЯПОНИИ

Страна бумажных фонарей,
качающихся небоскрёбов,
неосязаемых дверей,
незамутнённых водоёмов,
морей, штормящих окоём
бетона, вросшего в вулканы,
гудит гигантским кораблём,
возвысившись над океаном.

Страна миниатюрных роз,
миниатюрных поз и мнений

богата вдохновеньем пост-
армагеддонных поколений.
Не ужас атомных разрух –
условия иного рода
взрастили исполинский дух
миниатюрного народа,
не клич «Банзай!», а якорей
глухие всплески, чаек гомон,
цветущей сакуры истома
и свет бумажных фонарей.

Десять минут до осени...
В кронах – эхо Россини
Плещется жёлто-синим
Пламенем будущей озими,
Полощется под колёсами,
В поле играет колосьями
Ветра горячая сила
За десять минут до осени,
За десять минут до выдоха,
За десять минут до выхода
Из ласкового в ледяное:
Прижали к сердцу – и бросили...
А мы не считаем времени,
Верим в миры параллельные,
Хлопаем пылью дороги,
Вприпрыжку бежим по просеке, -
За десять минут до осени
На Землю спускаются Боги.